

ВЛАДИМИР
ШЛЫКОВ

ОСТОРОЖНО, ППС

**ПРЕСТУПНАЯ
ПРАВООХРОНИТЕЛЬНАЯ
СИСТЕМА**

МОСКВА, 2015

Владимир Шлыков

**Осторожно, ППС: преступная
правоохранительная система**

«Эдитус»

2015

УДК 343
ББК 67.408

Шлыков В.

Осторожно, ППС: преступная правоохранительная система /
В. Шлыков — «Эдитус», 2015

ISBN 978-5-457-86793-2

Системные пробелы российского уголовного законодательства и пороки следственной практики раскрываются в новой книге Владимира Шлыкова. По мнению Владимира Шлыкова, основные пороки современной российской правоохранительной системы - тотальная коррумпированность, «заточенность» действующего уголовно-процессуального законодательства на создание условий для совершения должностных преступлений сотрудниками правоохранительных органов и их ухода от ответственности. В стране сложился и действует хорошо отрегулированный, слаженный коррупционный механизм, ведущий к деградации правового сознания граждан, к полному разочарованию в действующей системе власти. Выводы автора подкрепляются многочисленными примерами из следственной практики, когда коррумпированные следователи "по непонятным причинам" прекращают уголовные дела или привлекают к ответственности невиновных людей. И это - не разрозненные факты. Это - система. Система, действующая в масштабах всей страны. Системные проблемы требуют системных решений - основной лейтмотив книги «Осторожно, ППС: преступная правоохранительная система».

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-457-86793-2

© Шлыков В., 2015
© Эдитус, 2015

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Шлыков

Осторожно, ППС: преступная правоохронительная система

Предисловие

Все мы знаем, как работает наша система борьбы с преступностью. Работает как хорошо отрегулированный, слаженный коррупционный механизм. В своих интересах и на собственный карман. Конкретных примеров тому огромное множество. Практически каждый гражданин, хоть единожды сталкивавшийся с этим зловецим маховиком отъема денег у граждан, на собственной шкуре ощутил, что такое «оборотни в погонах». Наши великие вожди пытаются убаюкивать нас, что это нормально, что якобы коррупция есть везде, что это неизбежное зло. Якобы у нас хорошее законодательство, но кое-где кое-кто у нас порой... Но это не так. Дело не в отдельных случаях, а в системе. Само уголовное законодательство у нас давно заточено на то, чтобы преступники из числа следователей и прокурорских работников оставались безнаказанными за совершение должностных преступлений. Делалось это сознательно и целенаправленно для того, чтобы обеспечить «верным опричникам», силовой опоре власти безбедное существование за счет древней и архаичной системы «кормления». Результатом является то, что организации, призванные бороться с криминалом, слились с этим самым криминалом в безмятежном экстазе и превратились по сути своей в преступные организации. Продолжается деградация правового сознания общества, растет преступность, страна скатывается на задворки цивилизационного развития. Данная книга – о системных проблемах уголовного законодательства, без исправления которых следственная практика никогда не вернется на путь законности. Системные болезни лечатся только системными мерами.

Глава 1

Правовой либерализм, который у нас есть, и диктатура закона, которой у нас нет

Римское право – основа профессионального юридического образования во многих странах мира. Древние римляне оставили человечеству массу слов и выражений, связанных с правом и называемых крылатыми, например: «Закон суров, но это закон», «Пусть погибнет мир, но пусть торжествует закон!». В. В. Путин, знакомый с римским правом, еще в 2000 году осчастливил нас изречением: «Диктатура закона – это единственный вид диктатуры, к которой мы обязаны стремиться». Четкое и понятное направление мысли для любого юриста. Казалось бы, в этом направлении и надо было поступательно двигаться, особенно учитывая тот хаос, который творился в 90-е годы. Однако, увы, движение шло в другом, противоположном направлении под названием «либерализация». Возникает вопрос: что такое либерализм в уголовном праве и что в итоге мы имеем в результате либерализации законодательства и практики в этой сфере?

ЛИБЕРАЛИЗМ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ – ЭТО, за небольшим исключением, ФОРМА КРИМИНАЛЬНО ИЗВРАЩЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. Закон является консервативным элементом нашей жизни, он ограничивает свободы, но на основе общественного консенсуса, во благо общества в целом. И либерализм в юриспруденции, в частности в уголовном законодательстве, заключается в том, что те нормы, которые общество не рассматривает как опасные для своего существования, смягчаются или полностью отменяются. Таким путем в последние десятилетия шла поступательная либерализация уголовного законодательства на основе потребностей общества. Многие нелепые статьи уголовного законодательства были аннулированы. По многим направлениям шло смягчение наказаний. И во многом декриминализация отдельных норм уголовного законодательства оправдана, особенно в сфере предпринимательской деятельности.

Вместе с тем в эти же годы «успешно» проведена либерализация и уголовных преступлений насильственного характера, негативные последствия чего мы ощущаем в виде роста преступности и будем расхлебывать до тех пор, пока положение не будет исправлено. Сказочку о том, что жесткость наказаний не останавливает преступников, опровергает история права. В нашей стране последний раз ее опроверг товарищ Сталин. К 39-му году в стране не стало не только инакомыслия даже внутри партии, но и уровень уголовной преступности сошел практически на нет.

В уголовном законодательстве есть и другая часть под названием «уголовно-процессуальная», регулирующая права и обязанности участников уголовного процесса, которую со стороны государства представляют правоохранительные органы в лице оперативных и следственных подразделений, органы надзора за законностью в лице прокуратуры и окончательные вершители судеб – суды.

Что касается регулирования деятельности исполнительных органов обеспечения правопорядка, они должны выявлять преступления и вести предварительное расследование, для них не должно быть никакой либерализации. Либерализация уголовно-процессуальной сферы правоприменения, расширение полномочий сотрудников следственных органов ведут к крайне негативным последствиям и, по сути, преступны. Правоохранители – это цепные псы правопорядка, тоталитарной догмой для которых как раз и должна быть диктатура закона. Чем и обеспечиваются права подавляющего числа законопослушных, повторяю – законопослушных граждан страны. Именно оперативные и следственные подразделения должны обеспечивать торжество основного принципа юриспруденции – НЕОТВРАТИМО-

СТИ НАКАЗАНИЯ за совершенные преступления. И обеспечить это могут только хорошо организованные, тоталитарно-военизированные структуры со строгой дисциплиной и четко регламентируемыми обязанностями, какими и должны быть правоохранительные органы. И четко закрепленных обязанностей у них должно быть много, а прав, переходящих в произвол, мало. Внешне они такими, если судить по расшитым золотом мундирам генералов, и остаются.

В противном случае, в условиях беззакония, безответственности и безнаказанности, эта неуправляемая армада превращается в банду анархистов имени батьки Махно, в армию мародеров. Что на самом деле, к сожалению, и произошло. Наши славные, любимые народом органы правопорядка в результате ряда ловких манипуляций с законом стали во многом, по терминологии Анатолия Собчака, «правоохранительными». А произошло это потому, что либерализация захватила как теорию, так и практику. Причем нельзя сказать, что это было сделано по недомыслию или глупости. Делалось это сознательно и целенаправленно в рамках «популярной» в последние десятилетия тенденции к либерализации как форме коммерциализации и криминализации.

Когда формально либеральная, а в сущности измученная советским тоталитаризмом и тянущаяся к наживе правящая элита пустилась во все тяжкие по растаскиванию общенародной собственности, увлекая за собой в этот нехитрый процесс народные массы, ей необходима была мутная водица. Чтобы правоохранительная система была деморализована и нейтрализована и никто не смел и думать включить свое правосознание и, не дай бог, направить на них разящий меч правосудия. Делиться награбленным также ни с кем не хотелось, поэтому правоохранительные органы, как и весь народ, посадили на голодный паек. И фактически заставили, чтобы голодные не маялись без дела, начать межвидовую борьбу за выживание. Но если население можно было просто бросить: оно не опасно, то с голодным «хищником» такой номер не проходит, ему требуется много мяса и крови. Поэтому им дали «кость» в виде права на кормление с «травоядных» граждан, которые не потеряли волю к жизни и от безысходности начали заниматься каким-никаким бизнесом.

А поскольку от предпринимателей в стадии первичного накопления капитала добровольных пожертвований ожидать не приходилось, то появилась необходимость в суверенном праве на беззаконие и произвол, в первую очередь в сфере уголовного правоприменения. Для того, чтобы сеять страх перед уголовным наказанием у умеющего хоть какие-нибудь деньги населения. Всем известно, что посеешь – то и будешь кушать. А хорошо пожать можно, когда страх очень сильный. И для воспроизводства беззакония нужен «либеральнейший» Уголовно-процессуальный кодекс с широчайшими правами на должностной произвол и минимальными обязанностями. Для реализации права на произвол закон должен был быть – что дышло... И самое главное, чтоб ни за что никакой ответственности. Чтоб ответственность за должностные преступления, даже если формально и есть, никогда, ни при каких обстоятельствах не наступала. Чтобы следователь, а за ним прокурор и судья, заимел право на безнаказанное совершение должностных преступлений, которые они любят называть процессуальными ошибками. Вот такой самый либеральный из либеральных уголовно-процессуальных кодексов в нашей стране и был состряпан. И правозащитники довольны, и следователям с их начальниками досталась готовая инструкция для счастья и материального благополучия. А дальше – не упускайте своего шанса, дерзайте, юноши. Что обеспечивает «либеральный» УПК? Избирательность правоприменения, где свобода – там возможность выбора. Свободу действий следствия в любом направлении. В каком? Привлечь к уголовной ответственности виновного, а если надо – невинного. Освободить от уголовной ответственности невинного, а за бонус – и виновного. Следственный аппарат должен был стать, и стал, вершителем судеб, почти как бог. Не зря же термин «полицейское государство» стал закрепляться в

последнее время в сознании населения. И все это называется нежным и невинным словосочетанием «процессуальные ошибки».

А кому нужно привлекать невинного? Неудобные есть у власти. В этом случае делать из мухи слона нужно быстро и формально бесплатно, то есть за то, что имеешь зарплату, «ксиву», пистолет и «либеральный» УПК. А еще «заказик» может поступить на врага с раскрученным бизнесом. Ну а выводят из-под уголовной ответственности виновных и невинных либо тоже «всухую», по команде сверху, используя так называемый административный ресурс, что для рядовых исполнителей бывает очень горько и обидно, как для путан – отрабатывать субботники с бандитами. Либо за ласкающую душу мзду, что очень даже приятно.

Поскольку конечный результат данного, по сути преступного, «бизнеса» состоит в основном в освобождении виновных от уголовной ответственности (да и сильные мира сего озабочены хоть и маловероятной, но, при изменении политической конъюнктуры, вполне возможной перспективой «влететь под уголовку»), то, кроме прав следователей, чиновничье-олигархическая общественность вполне серьезно озаботилась процессуальными правами подозреваемых и обвиняемых. И в этом плане Уголовно-процессуальный кодекс был также доработан. Жертвой всего этого стала такая категория граждан, как, извините за тавтологию, жертва преступления, в нашем УПК называемая потерпевшим. В общем, жертва в квадрате. Результатом либерализации уголовного законодательства стало то, что УК вместе со всей правоохранительной системой защищает в основном права преступников.

Таким образом, псевдолиберализм в сфере юриспруденции как течение коррупционной политической мысли идеологически обосновал приоритет защиты прав преступников и превратил все правоохранительные органы не только в безответственных, но и в бессовестных защитников криминала.

Глава 2

Приватизация полномочий на коррупцию и произвол

В. В. Путин в своем гордом предвыборном манифесте в том же 2000 году продекларировал: «Демократия – это диктатура закона, а не тех, кто по должности обязан этот закон отстаивать. <...> Милиция и прокуратура должны служить закону, а не пытаться «приватизировать» данные им полномочия с пользой для себя. Их прямая и единственная задача – защита людей, а не ложных представлений о чести мундира и своих ведомственных интересов». Какие прекрасные, золотые слова, как все правильно понимает. Хочется подписаться под каждым словом. Слезы умиления невозможно остановить. А что на практике?

Правоохранительные органы с величайшего благословения хозяина успешно и с пользой для себя приватизировали данные им полномочия. За последние десятилетия российская правоохранительная система превратилась в хорошо отлаженный коррупционный механизм выбивания денег у населения. Потому что власть, требуя усердного исполнения своей воли в отношении политических противников и действуя все по тому же принципу: «хочу – казню, хочу – милую», посадила «цепных псов режима» на голодный паек. А почему же мы такие? Да потому что не только травоядные хотят кушать, но и хищники.

И с этим в общем и целом исполнительные, работоспособные и честолюбивые ребята с самого начала согласиться не могли. И поэтому недостаток материального обеспечения стали компенсировать проверенным еще со времен Киевской Руси принципом «кормления». Сколько выбьешь у незащитного населения – все твое. Тем более что официально принцип ИСТИНЫ из юриспруденции убрали, негласно заменив ее, родимую, на более приземленные цели. Получив возможность ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ, стали искать личную выгоду, подчиняясь, когда нужно, политической конъюнктуре. Гуляющая в недрах системы шутка, что в нашей деятельности нет политики – только бизнес, не верна. Она отражает лишь чаяния рядовых исполнителей, которым действительно политика не нужна. Хлопотное и неблагодарное это дело. Им нужно семьи кормить.

Коррупция в правоохранительных органах, как и должно быть в хорошо организованных военизированных структурах, быстро стала организованной и системной, т. е. пронизывающей всю вертикаль управления. Поскольку сферой деятельности возникшей армии «мародеров» является правоприменение, то и само законодательство было адаптировано под нужды механизма и доведено до состояния хоть и криминального по сути, но безрискового на практике зарабатывания денег.

На чем базируется безрисковость? На очень простых вещах. Безднаказности как служебной, так и уголовной при совершении деяний. Что в свою очередь обеспечивается современными законами. Любой преступник при совершении преступления стремится минимизировать риски. Естественно, что и криминализованное сообщество правоохранителей стремится к этому, тем более что все они профессиональные юристы и являются серьезными лоббистами при принятии законов. Поэтому в затянувшуюся эпоху «смутного времени» в России, под универсальным лозунгом расширения прав человека, Уголовно-процессуальный кодекс был пошагово откорректирован так, что права и свобода действий в первую очередь достались следователям и их руководителям. Затем – идейно близким преступникам (или подозреваемым, обвиняемым по терминологии УПК). А уже в последнюю очередь – неудачникам по жизни под названием «потерпевшие».

Во второй раз за последние сто лет лапотная России проспала ползучую «контрреволюцию». В тридцатые годы перед началом «большой чистки» законодательно была подве-

дена правовая база. Когда начали работать пресловутые «тройки», то с формальной точки зрения они работали по закону. Уголовно-процессуальный закон к тому времени был подогнан под нужды планировавшегося маховика репрессий и позволял практически без доказательств на основании неких оперативных данных, больше похожих на домыслы, вершить злодеяния. НКВД были предоставлены огромнейшие полномочия по расправам над населением. Результат известен – миллионы загубленных жизней.

То же произошло и в последнее десятилетие: уголовно-процессуальное законодательство «заточили» под преступное беззаконие. Встроившись в волну общих настроений общества по либерализации нашей жизни, профессионалы от юриспруденции медленно, пошагово откорректировали уголовное законодательство под свои нужды. А это – свобода действий в любом направлении и полная безответственность за результаты следственных действий. В итоге у нас сейчас сажать можно не только кукурузу, дорогие товарищи, но и людей. Причем практически ни за что, особенно если они из стана врагов. А своих, близких по духу воришек можно свободно освобождать от уголовной ответственности. Уголовно-процессуальный кодекс РФ волшебным образом превратился в инструкцию по беззаконию, с неограниченными правами следственных подразделений по отношению к подозреваемым, обвиняемым, да и потерпевшим. И все это страна проспала, не заметила.

Не то чтобы совсем не заметила. Многие вещи избирательного правоприменения лезли наружу, но поскольку массовых протестных настроений не было, а «утюжили» в основном бизнес, который тихо сопел, откупался и не рыпался, то и должной оценки никто не давал. Так, частные проявления тотальной коррупции, не более того. Но когда маховик развернулся в сторону революционно настроенных оппозиционеров, сознание стало пробуждаться. Но, увы, без должного осознания системности проблемы. Чувство, что как-то все не очень правильно, уже появилось, а также понимание того, что практика расследования уголовных дел творит какие-то чудеса. Но в чем фокус, никто не знает. А фокус – в законодательной базе, которая позволяет безнаказанно для исполнителей творить все это, проворачивать в угоду власти любые делишки.

Люди при власти владеют не только самбо. На страже их стоит уголовное право, которое позволяет творить любые беззакония, формально оставаясь в рамках закона. И обществу, гражданскому и военному, надо думать о том, чтобы побудить власть сделать в первую очередь уголовное законодательство таким, чтобы беззаконие и произвол в этой сфере были невозможны. А тех, кто творит беззаконие, можно было также привлечь к уголовной ответственности за творимое беззаконие.

Глава 3

Идеологи либерализации, а точнее, криминализации правоприменительной практики, или Господин Бастрыкин А. И.: беспощаден к врагам... терпим к грабителям и ворам

Носителями идеологии «анархии», своего рода идейными последователями князя Кропоткина в юриспруденции, носителями управляемого хаоса являются практики – великие и неповторимые руководители следственных органов, они же собиратели сливок на празднике жизни под названием «предварительное уголовное расследование». Слова одного из них хотелось бы процитировать и прокомментировать. Добавив при этом, что когда носителем идеологии защиты уголовных преступников в уголовно-правовом законодательстве является адвокат, то это понятно, он человек свободной профессии, имеет право на любые убеждения, да и защищает в основном лиц, совершивших преступления.

Однако когда этим занимается руководитель организации, призванной бороться с преступностью, который напрямую отвечает за состояние правопорядка в стране, это не просто непонятно и странно, это, на мой взгляд, ужасно. Но это, увы, наша российская реальность. Кто ж такие эти самые «анархо-либералы» от юриспруденции? И почему с ними не борются «государственники»? Потому что это люди в одном лице, в одном упитанном теле. Внешне посмотришь – ястреб ястребом, а присмотришься – «либерал». Да такой «либерал», пробы негде ставить. Это, что называется, борьба внутри вроде бы не склонного к интеллигентской рефлексивности организма, борьба левого полушария с правым. С одной стороны, свободы хочется безграничной. Но только для себя. А с другой – порядок, как в Освенциме, должен быть. Но это для других.

Цитаты господина Бастрыкина А. И., взятые из стенограммы круглого стола по вопросам реформы правоохранительной системы, проходившего в Общественной палате Российской Федерации 21 февраля 2012 г.: «Я хотел бы начать не с вопросов права, а с вопросов психологии. Я вспоминаю свои студенческие годы в Ленинградском университете в 1970-х годах. Тогда, видимо, это было совершенно оправдано, когда в науках уголовно-процессуального и уголовного цикла нам наши уважаемые преподаватели внушали совершенно, видимо, правильную для тех лет особенно вещь, что самое святое для любого участника уголовного судопроизводства – это права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а тем более осужденного. И вот с такой идеологией и правовой психологией мы вышли из стен нашего славного университета».

Спасибо! Теперь-то мы знаем идеологические основы питерских юристов, чекистов, следователей, прокуроров и судей, возглавляющих сейчас структуры, призванные бороться с преступностью, а на самом деле имитирующих эту борьбу. Впитав со студенчества идеи юридического «либерализма», на попрание соблюдения прав бандитов они способны перецеголять большинство адвокатов. К сказанному можно добавить лишь то, что университет, который заканчивал Александр Иванович, действительно славный, если готовил убежденных защитников прав преступников. Бастрыкин А. И., видимо, и не догадывается, что в те же годы из стен юридических вузов страны выпускались десятки тысяч юристов, которые вливались в правоохранительные органы и для которых основным принципом жизни и работы как раз и являлась защита тех несчастных, которые стали жертвами преступлений, выявление преступлений, поиск преступников и обеспечение неотвратимости их наказания.

А если серьезно и с уклоном в упоминаемую выше психологию, то Александр Иванович лукавит. В Питере готовили и готовят нормальных юристов. Просто мотивация и направленность приобретения знаний у всех разная. Для одних химия – наука, для других – набор необходимых знаний для изготовления взрывчатых веществ или наркотиков. И Бастрыкин, судя по откровениям, готовился к работе на той стороне баррикад, где убийцы, насильники и прочие антисоциальные элементы. А те безнадежные романтики, которые хотят посвятить свою жизнь борьбе с преступностью и этим в последующем занимаются, знают, что основной принцип юриспруденции – неотвратимость наказания. Этот принцип как тоталитарная догма действует в любой развитой демократической стране планеты Земля, а возможно, и Галактики в целом. И основной задачей государства и общества в этой сфере является восстановление справедливости, прежде всего по отношению к потерпевшим, путем наказания виновных в целях искоренения преступности. На это тратятся огромные бюджетные средства, и в этом направлении должна работать вся правоохранительная система.

Далее, Бастрыкин: «Прошло более сорока лет, и не могу сказать – ни к сожалению, ни к радости, но эта психология не то что не уменьшилась, а она укрепилась». Несомненно, укрепилась. Потому что ее целенаправленно и сознательно укрепили такие «славные» и политически лояльные криминалу защитники, как Александр Иванович Бастрыкин, поскольку самый элитный следственный орган страны, иными словами, карающий преступность «меч государства», возглавляет человек с психологией защитника криминала, а не борец с захлестнувшей страну преступностью. Александр Иванович оказался в нужное время в нужном месте и с нужной направленности системой знаний и убеждений. Потому что пришла пора превратить правоохранительные органы в адвокатские конторки по защите «воров в законе» от власти и других преступных сообществ. Поскольку в стране первичного, грабительского по сути накопления капитала реализация принципа неотвратимости наказания угрожает интересам государственной верхушки и бьет по основам ее благосостояния. Поскольку сама власть преступна и самозабвенно вовлечена в нехитрый, но очень увлекательный процесс «подгребания до сэбэ» бесхозной общенародной собственности. Поэтому прежде всего именно людишки во власти в ночных фантазиях на всякий случай примеряют на себя арестантскую полосатую робу и озабочены тем, как оградить себя не только «от сумы» (это им уже давно не грозит), но и от «тюрьмы».

Именно поэтому наша вороватая политическая элита в «смутные годы» переходного от «исторического материализма» периода так неподкупно, искренне и, главное, заблаговременно озаботилась правами граждан с процессуальным статусом обвиняемый или осужденный. И поэтому настойчиво и целенаправленно в последние два десятилетия все законы, в том числе и благодаря усилиям неутомимого Александра Ивановича, затачивались на обеспечение прав данной, идейно близкой правящему классу, категории граждан. Поэтому страна превратилась в ад для пострадавших от преступлений и в рай для бандитов. Их-то усердно и защищает господин Бастрыкин. В настоящее время регистрируется порядка 2,5 миллионов преступлений в год, и, по данным Генпрокуратуры России, это ничтожная цифра в сравнении с реальной. Ежегодно в органы внутренних дел поступает свыше 20 млн обращений и заявлений от граждан. При этом рассматривается заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях больше, чем в предыдущие годы. Так, в январе – декабре 2012 года органами внутренних дел рассмотрено 26,24 млн заявлений, что на 6,6 % больше, чем за двенадцать месяцев 2011 года. Каждое второе (46,6 %) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Организованными группами или преступными сообществами совершено 17,3 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, что на 2,4 % больше, чем в 2011 году, причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 5,2 % в январе – декабре 2011 года до 5,7 %. Согласно статистике ежегодно в стране от рук преступников погибают около 40 тысяч

человек, около 50 тысяч получают тяжкий вред здоровью. В целом, если откинуть ложные сообщения (ложные ли?), ежегодная цифра преступности в России колеблется от 11 до 15 миллионов совершенных преступлений. При этом количество граждан, пострадавших от тяжких преступлений, составляет от 2 до 3 миллионов человек в год. В нашей стране отмечается рост количества преступлений, совершаемых против несовершеннолетних. Только за 9 месяцев 2012 года следователями Следственного комитета возбуждено 10 990 уголовных дел о преступлениях в отношении несовершеннолетних, из них по убийствам – 428 дел, по ст. 111 УК РФ – 322 дела, в том числе по ч. 4 ст. 111 УК РФ – 40; по ч.ч. 3, 4 ст. 131 УК РФ – 990; по ч.ч. 3, 4 ст. 132 УК РФ – 1 887; ст. ст. 134, 135 УК РФ – 2 108.

По уголовным делам, находившимся в производстве следователей Следственного комитета, признаны потерпевшими от преступных посягательств 14 259 несовершеннолетних. Из них в возрасте до 1 года – 563 ребенка; от 1 года до 5 лет – 743; от 5 до 10 лет – 1 924; от 10 до 14 лет – 3 843; от 14 до 18 лет – 7 186. Для сравнения: в 2010 году признаны потерпевшими от преступных посягательств 4 175 несовершеннолетних. Из них в возрасте до 1 года – 322; от 1 года до 5 лет – 329; от 5 до 14 лет – 1 859; от 14 до 18 лет – 1 665. Значительное увеличение преступлений налицо. За 9 месяцев 2012 года в Российской Федерации от преступных посягательств погибло 1 292 несовершеннолетних.

Бастрыкин А. И. дальше заявляет, что его сильно огорчают страшные цифры статистики уголовных преступлений: «У нас действительно пропадают десятки тысяч людей, их никто не ищет. Статистика по преступности несовершеннолетних Следственным комитетом неоднократно озвучивалась. Но сегодня, как показали события последних 2–3 месяцев, вопросы, поднимаемые на Болотной площади и на проспекте Сахарова, которые, конечно, имеют колоссальное политическое значение, волнуют правозащитников гораздо меньше, чем вопросы защиты потерпевших и детей». А страшные цифры должны не просто огорчать Бастрыкина. Он должен беспощадно бороться с преступностью. А десятки тысяч людей, которые бесследно пропадают, искать должны правоохранительные органы, но они, как он признает, их не ищут. А не ищут потому, что в Следственном комитете РФ не возбуждаются уголовные дела по пропавшим людям и формально их искать как бы и не надо. Ну разве что волонтеры займутся или правозащитники взволнуются! Господа правозащитники, взволнуйтесь, пожалуйста, проблемами защиты прав потерпевших и детей в нашей стране, сам Бастрыкин Александр Иванович просит об этом! Его ведомство, правда, волнуют пока только проблемы наших детей в США. Видимо, очень хочется поехать туда и на месте очень долго разбираться.

А. И. Бастрыкин: «Я хотел бы дополнить статистику такими цифрами. По данным Следственного комитета, в 2011 году более полутора миллионов российских граждан были признаны потерпевшими от преступлений. Некоторые наши коллеги требуют освобождения 40, как они считают, политзаключенных. Но никто не требует защиты, я имею в виду правозащитные организации, прав полутора миллионов потерпевших российских граждан. Причем 30 тысяч российских граждан в прошлом году просто погибли. 70 тысяч исчезли в неизвестном направлении. 4 тысячи человек в РФ получили тяжкий вред здоровью. 11 тысяч стали жертвой преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы граждан. Материальный ущерб, по самым скромным подсчетам, который был нанесен российским гражданам в прошлом году, составил около 250 миллиардов рублей». Славненько! Что мы видим! Александра Ивановича сильно огорчает наша зловещая уголовная статистика. Но еще больше его огорчает то, что все это не огорчает нашу «болотную» оппозицию, которая, видимо, и должна вместе с казаками создавать народные дружины и бороться с преступностью, освободив «горячие сердца, холодные головы и чистые коррупционные руки» сотрудников правоохранительных органов для более приятных дел – «идейной борьбы за

денежные знаки». В общем, во всем, как всегда, виновата оппозиция. Если в кране нет воды, значит, выпили либералы «из пятой колонны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.